

РАЗДЕЛ III.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 1:165; 30: 303.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-74-84

ТОПОС: К ТЕОРИИ МАСС-МЕДИА

Мурейко Л.В.

Петербургский государственный университет путей сообщения

Императора Александра I

190033, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 9, Российская Федерация

Аннотация. Топос понимается, как пространство, в социально-антропологическом измерении, как особое место, в котором накладываются друг на друга и место зарождения любой конфигурации воспринимаемого, и место перехода (смены, трансформации) разных форм видимого, и место конкретно зримого как очевидного, не требующего доказательств. В статье кцентируется вопрос о том, каким образом топос осуществляет парадоксальный синтез индивидуального и общего, локально-уникального и тотального. Делается вывод о том, что топосы индивида и масс-медиа сходятся в пространстве особого рода – пространстве перехода, промежуточности и обеспечения связи системы разделённых инстанций (через вариативность смысла).

Ключевые слова: топос, топ, локус, мифологическое пространство, масс-медиа.

TOPOS: TOWARDS THE THEORY OF MASS MEDIA

L. Mureyko

Alexander I St. Petersburg State Transport University,

9, Moskovskiy prospect, St. Petersburg, 190033, Russian Federation.

Abstract. Topos is understood as a space in social anthropological terms, as a special place, the birthplace of any configuration perceived, and the location of the transition (change, transformation) of different visible forms, and the specific place of the obviously visible, requiring no proof. The author highlights the question of how topos provides a paradoxical synthesis of the individual and general, locally unique and total. The conclusion is made that the individual and mass media topoi converge in the space of a special kind – the area of transition, intermediation and connectivity of a set of separated instances (through the variation of meaning).

Key words: topos, top, locus, mythological space, mass media.

Топос – глубинный способ освоения людьми пространства их существования, способ неосознаваемого пространственного упорядочения и уплотнения получаемой информации, влияющий на характер организации мышления в целом. Топос – это и место человека в мире (как определение его социальной роли, его идентификация, смысл существования), и социализированная среда обитания. И первое, и второе предполагают исходно неосознаваемый для человека знаково-символический способ ориентации и структурирования этих чувств, определённой организации своего поведения.

Актуальность и проблематичность заявленной темы определяются тем, что в условиях глобализации и широкой информатизации общества этнические, национальные, исторические, географические значения вынуждены встраиваться в глобальные информационные сети, образующие «пространство потоков» [18].

Способствуя кризису идентичности, связанной с неопределённостью пространственных границ, глобализация проявляется в разрастании феномена «бездомности», экзистенциальная суть которого хорошо схвачена М. Хайдеггером в его «Бытии и времени» терминами “Un-heimlichkeit” и “das Un-zuhause”. Первый в переводе В.В. Библихина означает «жуть», второй – «не-по-себе». Заметим, что “Das Un-zuhause” без приставки отрицания Un означает «домашний очаг», «свой дом», «обжитое место».

Проблему определённости пространства обостряет коммерческий и политический интерес в создании искусственного топоса для придания

особой ценности или, наоборот, обесценивания определённой территории, что обеспечивается посредством особых технологий брендинга [5].

Неконтролируемое влияние на топос со стороны масс-медиа может существенно трансформировать представления людей о пространственно-временной организации мира и сделать его продуктивной мишенью для манипуляции сознанием. Возможны спекуляции на практическом характере топоса. Топос представляет собой «допроблематическое» единство внутреннего и внешнего, видимого и невидимого. Ж. Делез, анализируя опыт освоения пространства в его антропологической многомерности и обращаясь к современной нелинейной постнеклассической науке, к фрактальным геометриям, в своих работах «Складка: Лейбниц и барокко», “Nomadology” и др. описывает это «допроблематическое» единство внутреннего и внешнего с помощью таких понятий, как «складка», «ризома», «плоскость», «поле».

Анализ топоса, обращенный к многомерной, динамично меняющейся практике, выявляет чрезмерную абстрактность противоречивого мышления по отношению к практическим действиям, позволяя мысли быть более конструктивной. В то же время такой анализ обнажает основания спекуляции масс-медиа на возможной продуктивности непротиворечивой формы мышления.

Принято делать акцент на том, что масс-медиа ориентированы преимущественно на стереотипный способ представления вещей, процессов. Однако, наряду с этим, характерные для масс-медиа огромные потоки разно-

плановой информации, с которыми не справляются привычные, доведенные до автоматизма смыслы приводят к ситуации «распада» логики. Это вызывает негласное наложение запрета на универсальные понятия и практические рекомендации, не знающие мест. Появляющееся ощущение неуместности, чрезмерности общепринятого как раз и делает особо актуальной топологию, акцентирующую границы, определённую смысл информации, продуцируемой масс-медиа в условиях глобализации.

Специфику социального пространства уточняли в своих социологических исследованиях Г. Зиммель, П. Сорокин, Э. Гидденс, П. Бурдьё, П. Бергман, Т. Лукман, А.Ф. Филиппов, Ю. Левада и др.

Необходимость исследования точки пересечения субъективности, социальности и пространства, как и особенности пространственного измерения человеческой жизни отмечали в своих философских трудах М. Хайдеггер, М.М. Бахтин, М. Мерло-Понти, Х. Плеснер, Ж. Делез и др. Уточняя специфику антропологического пространства, В.И. Молчанов пишет: «Феномен пространства-в-мире, или пространства-мира, имеет, по меньшей мере, три негеометрических и нефизических измерения: телесно-ситуативное, функциональное и смысловое» [10, с. 14–15]. При этом незримость пространства в антропологическом измерении, неразрывно связанного на уровне бытия с сознанием, определяется его главным прафеноменом, осуществляющим различение различий. «Прафеномен пространства не сводится к какому-либо одному измерению, даже смысловому; прафеномен – это разли-

чие основных измерений пространства, позволяющее реализовать их связь и сочетаемость» [10, с. 18]. Согласимся с этим тезисом, заметив, что в нём имеется след понятия «хора» Платона и размышлений Ж. Делеза о различении различий как характерной черте топоса.

В современных исследованиях топоса акцент делается на возникновение условий, связанных с глобализацией и быстрым развитием информационных технологий, благодаря которым открываются ранее неизвестные структурные возможности восприятия пространства и времени. М. Кагельс в этой связи говорит о формировании новой, «пространственной логики» [18]. О.В. Новоженина обращает внимание на непредсказуемые возможности Интернета в плане ломки различных иерархий. У людей постепенно вырабатывается привычка выходить к искомой информации без ввода в поисковую строчку каждый раз новых данных, используя вместо того гиперссылки в наличном тексте. В результате формируется способность *изотропии* [13, с. 193], т. е. способности пренебрегать в поисковой работе различием начала, середины и конца пути.

Несмотря на многоаспектность современных исследований топоса, такое его свойство, как балансирование между общим и единичным, связанное с нечувствительностью к противоречиям и обеспечивающее масс-медиа способность к посредничеству, соединению разнородных, весьма отдалённых инстанций, остается ещё мало исследованным.

Цель настоящего исследования – на основе анализа разных подходов к пониманию термина «топос» выявить и проанализировать особый способ

связи единичного и общего, проявляющийся в обеспечении масс-медиа пространством перехода, посредничества и обеспечения связи разделенных многомерных инстанций.

Обращаясь к истокам понятия «топос», следует сказать, что впервые его стал разрабатывать Аристотель. Он выделил два важных вопроса в исследовании топоса: 1) об онтологическом, стабильном статусе того, что «есть», но что по-разному может быть представлено в чувствах и в результате применения риторического искусства, и 2) о логических средствах его безусловного доказательства. Важным в методологическом отношении является выделение Аристотелем двух граней понятия «место» – общего места, «в котором находятся все тела», и особого места, в котором «помещается данное тело» [1, с. 132]. В.В. Савчук по результатам анализа понятия «топос», как оно представлено в философии Аристотеля, правомерно отмечает: «Топос объединяет место и дискурс, и географические особенности места, и способы коммуникации, и осуществления власти» [17, с. 300].

В современных географических исследованиях пространства, ориентированных на междисциплинарные связи с работами социологов, политологов, философов, филологов, культурологов, возникают новые направления под названиями «социально-культурная география», «гуманитарная география» и др.

В «гуманитарной географии» особое внимание уделяется формированию и развитию ментальных конструктов в плане описания и структурирования ими первичных комплексов пространственных восприятий.

К базовым понятиям «гуманитарной географии» относятся: «культурный ландшафт», «географический образ», «региональная (пространственная) идентичность», «пространственный или локальный миф (региональная мифология)» [6, с. 26–27].

Отметим, что первичное «уплотнение» геокультурного образа страны связано с освоением культурных норм и ценностей, «обрабатываемых» посредством специфических языково-мыслительных средств, сжимающих информацию. К ним относятся «мифологема», «концепт», «фрейм», «когниотип», «схема» и др., так или иначе учитывающие смысловые границы информационного поля. Обратим внимание: перечисленные средства сжатия информации лишь на первый взгляд осуществляют функцию её уплотнения только за счёт её обобщения и отбрасывания уникального. Иллюзорность такого взгляда наиболее ярко выявляется при рассмотрении топоса как пространства границы.

Особенность пространства границы определяется другими пространствами, отношением одного конкретного пространства к другому, являясь пространством перехода, «заглядывания» в Иное, примеривания его на себя. Вместе с тем, это пространство индивидуального существования, проявляющее себя через предел вариативности его смыслов. Для потребителя продукции масс-медиа это проявляется в затруднении идентичности, в фиксации множества субъективных миров. В условиях огромного объёма локализованных множеств такая фиксация зачастую существует как интенсивность, как особая энергичность. Возникающее предельное напряжение

может реализоваться как в виде прорыва к подлинности мира, так и в виде «цинического разума», нарциссизма, имплозивной инертности («молчания») масс, потлача.

Определённость в этих условиях возможна за счёт обращения к формализованным конструкциям желаемого, но также – за счёт мифо-логики, ведь «спутанность» может показаться таковой с позиции формальной логики, а с точки зрения мифо-логики она способна быть весьма конструктивной: промежуточный элемент вполне эффективно нейтрализует нерешаемость жестких противоположностей. Важно только, чтобы миф становился более разумным и эстетическим. Сошлемся здесь на мудрое замечание Гегеля: «До тех пор, пока мы не придадим идеям Эстетический, то есть мифологический характер, народ не проявит к ним интереса, с другой стороны, пока мифология не станет разумной, философ будет её стыдиться» [3, с. 213].

Отметим, что схема границы определённости индивида, находящегося в среде масс-медиа, выглядит не как сплошная, чёткая линия круга, а как штрихпунктирная (пропускающая в себя и выпускающая вовне иное и в то же время отграничивающая себя).

Проблема выражения в языке особого сочетания уникального и совместного на границе двух пространств довольно остро заявляет о себе в исследованиях по логике, теории языка, риторике. При особом внимании к способам *неформальной* аргументации в этих исследованиях топос отличают от топа. Это отличие некоторыми авторами проводится через выявление топоса в рамках топа как свойства разных уровней последнего.

При этом выделяется два уровня топа: 1) поверхностный (общезначимые «маркеры» тем языка и аргументов речи) и 2) глубокий (исходные «точки креативности», находящиеся в процессе обнаружения и разрешения проблем) [19, с. 13].

Но в большинстве случаев исследователи топоса либо включают в него топ как его иную сторону, либо противопоставляют топ и топос как самостоятельные инстанции. При этом топ определяется как штамп, клише, распространенные убеждения, существующие в виде, например, догм повседневного существования, аксиом, принимаемых без всякого сомнения, без логических доказательств. Топос же понимается как место сосредоточения, пересечения и разворачивания смыслов, которое неопределённо, порождает сомнения.

В философских исследованиях утверждается событийность топоса, которая проявляется в уникальности и самоорганизации места пересечения смыслов, сосредоточенности их на границе вещи. Подчёркивается поисковый характер выявления и развертывания места смыслов вещи, в ходе которых обнаруживаются их пределы и встреча с иным, которое особенно актуализируется в эстетическом восприятии [4; с. 9].

В литературоведении при анализе художественного пространства понятие «топос» уточняется через соотношение с понятием «локус» (в связи с их синонимичностью в разных языках: греч. *topos* и лат. *locus* означают одно – место). При этом топос имеет два смысла: 1. значимое для художественного текста «место разворачивания смыслов», соотносящееся с каким-ли-

бо фрагментом открытого реального пространства, но не сводимого к нему; 2. «общие места» в виде стереотипного образа, мотива, мысли, а также общих проблем и сюжетов. Локус при этом понимается как имеющийся в тексте «пространственный ориентир», выступающий в качестве ассоциативной единицы, способный вызвать уникальные чувства и мысли [15].

Впервые в анализе художественного пространства термин «локус» стал разрабатывать Ю.М. Лотман, который подчеркивал противоречивую связь определенности места, как локуса, и существования этого места в качестве неустойчивого поля, вызывающего проблемную ситуацию [7].

Говоря о характере парадоксальной связи места определённого предмета (субъекта) и того же места в ином измерении, отметим, что в последнем случае речь идёт о месте, готовящемся принять изменение и разрушение предмета (субъекта) и сменяющие его другие предметы (субъекты). Такое место имеет функцию уникального способа присваивать себе все возможные определённости предметного мира, что невозможно без некоторого безразличия к ним. В разработке идеи о парадоксальной связи места определённо-привычного и места иного измерения, В.П. Океанский отталкивается от соотносительной этимологии термина «локус», его значений в древних языках. На санскрите «локус» (“loka”) означает «свет», «вселенная», «всё», «тотальность»; на латыни (“locus”) – «место», «локальность», «удел». В результате исследователь приходит к выводу, что локус – это «место-имение» тотальности, т. е. локализованный топос, высвечивающий космос уни-

кальным образом. Без него тотальность не сможет существовать [14].

По мнению автора данной статьи, этот вывод можно принять и в широком философском понимании неосознаваемого восприятия пространства: локус – это присущий топосу способ конкретной пространственной идентификации. Не стоит останавливаться на противопоставлении топоса и локуса. Топос в его событийности, открытости многомерному миру, состоянии перехода не лишен индивидуации: без этого была бы невозможной его существенная черта – самоорганизация.

Специфика индивидуального в топосе состоит в том, что, существуя на границе, на пределе, она уравнивается (но не сливается) со своей противоположностью (с индифферентным), находясь с ней в отношении паритета и инверсии. Предел прочности своих границ устанавливается именно через процессуальную примерку на себя иного. Локус непрерывно уточняет топос, мобильно, в деталях и бесконечно отличая от индифферентного, но всегда предполагая его.

В двустороннее содружество топоса и локуса вносит свою лепту топ («общие места» языка). Только в формальной логике топ однозначен. Обеспечивая пространственному значению свойство индифферентности, универсальности, открытости любому случаю, топ не исключает многозначности суждения, сосуществования противоположностей, что особенно ярко демонстрируют мифы, сказки, поговорки как выражение мудрости, учитывающей многоплановый повседневный опыт.

Так, язык мифа особым образом сочетает общее и единичное, топ

и локус в сфере собственных имён (которая, по словам Ю.М. Лотмана, является его ядром) за счёт отождествления в ней слова и денотата. Пластичный характер сочетания общего и единичного в этой сфере проявляется во взаимодействии ритуального изменения имён собственных, с одной стороны, и всевозможных табу – с другой. В этой связи мифологическое пространство «представляется не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена» [7, с. 530]. В промежутках между ними существуют пространственные разрывы. Вследствие этого мифологическое пространство имеет «лоскутный» характер, существуя в виде россыпи локусов. При этом «перемещение из одного locus'a в другой может протекать вне времени, заменяясь некоторыми устойчивыми былинными формулами, или же произвольно сжиматься или растягиваться по отношению к течению времени в locus'ax, обозначенных собственными именами» [7, с. 530]. В особо значимых случаях объект, попадая в новое место и утрачивая связь со своим прежним состоянием, может быть подвергнут переименованию.

Наличие такого (мифологического) представления пространства активно используется масс-медиа и особенно ярко представлено в массовом сознании. В таком восприятии пространства невозможен привычный способ самоидентификации, на чём спекулируют масс-медиа, используя киберпространство. В понимании киберпространства можно согласиться с В.В. Савчуком: оно опирается на кол-

лективное согласованное переживание галлюцинации, предполагающей такие структуры обработки информации, которые во многом совпадают со структурами первобытного сознания [16, с. 32].

Представитель масс, как основной объект интереса современных масс-медиа, реализует индивидуальное преимущественно двумя путями: 1) посредством особой «заботы» со стороны масс-медиа об индивидуальности человека и 2) благодаря неосознанной ситуативно-адаптивной саморегуляции самого человека.

Основным принципом «заботы» со стороны масс-медиа об индивидуальности человека является «управляемый нарциссизм» [2, с. 210–212]. Задачей этой «заботы» является подмена интереса человека к своей подлинной индивидуальности готовым стереотипным образом её суррогата посредством моды, рекламы, политических технологий. Однако симулируемая индивидуальность человека не является всепоглощающей для представителя масс [11; 12]. Наряду с ней, индивидуальность реализуется им в непосредственной жизненной практике по принципу неосознанной ситуативно-адаптивной саморегуляции или аутопойезиса в его описании Н. Луманом [8; с. 20].

Подводя итог сказанному выше, отметим следующее.

1. Анализ топоса социализированного индивида оказывается неполным вне связи с анализом пространства масс-медиа, поскольку оба представляют пространство особого рода – пространство перехода, промежуточности и обеспечения связи разделённых и, зачастую, разнородных инстанций (через вариативность смысла).

2. Имея в виду тесное переплетение в топосе бытия и его языкового выражения, следует отметить, что топос включает в себя две противоположности в их предельном выражении: локус и топ. Их противоречивую связь особенно ярко демонстрирует сознание представителя масс.

3. При этом топ, доминирующий в языке масс, так прикрывает локус, что всегда остается многозначное указание на него, след которого ярко выявляет язык мифа, тесно связанный с архаическим сознанием и проявляющий свою специфику индивидуального в сфере собственных имён.

4. Особенность неосознанного восприятия пространства, выражаемая в языке представителя масс, должна пониматься с учётом двойственности реализации его индивидуальности, формируемой путём 1) стереотипного образа её суррогата и 2) ситуативно-адаптивной саморегуляции.

5. Вслед за Лотманом мы полагаем, что следует «отбросить романтический миф об отсутствии индивидуальности в архаическом обществе. Человек стал человеком, когда он осознал себя человеком. А это произошло тогда, когда он заметил, что разные особи человеческого стада имеют разные лица, различные голоса и различные переживания» [7, с. 133]. При этом важно внести следующее уточнение: в сознании архаического типа индивидуальное реализуется через неосознаваемую ситуативно-вариативную адаптацию к общим нормам. Причём взаимодействие индивидуального и общего осуществляется преимущественно в пространстве их границы. Здесь пространство индивидуального существования проявляет себя через указание на предел вариативности его смыслов, что сближает (но не отождествляет) его с пространством общего.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Сочинения: 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1981. 613 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет; КДУ, 2006. С. 210–212.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 1300 с.
4. Грякалов А.А. Письмо и событие. Эстетическая топография современности. СПб.: Наука, 2004. 488 с.
5. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 366 с.
6. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–27.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. 704 с.
8. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
9. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. 547 с.
10. Молчанов В.И. Пространство и его тень // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 5 (148). С. 11–20.
11. Мурейко Л.В. Массовое сознание: о специфике субъекта mass-media // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 83–93.

12. Мурейко Л.В. О природе массового сознания в контексте исследований «искусственного интеллекта» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 110. С. 90–100.
13. Новоженина О.В. Интернет как новая реальность и феномен современной цивилизации // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. М.: ИФ РАН, 2004. С. 195–215.
14. Океанский В.П. Локус Идиота: введение в культуруфонию равнины // Роман Достоевского «Идиот»: раздумья, проблемы. Иваново, 1999. С. 17–200.
15. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–94.
16. Савчук В.В. Конверсия искусства. СПб.: Петрополис, 2001. 288 с.
17. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: «Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. 416 с.
18. Castells, M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2001. 304 p.
19. Durham Cole, W.Jr. Foreword to Vieweg, Theodor, Topics and Law: a contribute on to basic research in law. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1993.
20. Luhmann, N. The Autopoiesis of social systems // Essays on selfreference. New York: Columbia University Press, 1990. P. 1–20.

REFERENCES:

1. Aristotel'. Sochineniya. V 4 t. T.1 [Aristotle. Works. 4 vols. V. 1]. M., Mysl', 1981. 613 p.
2. Bodriyar ZH. Upravlyaemyi nartsissizm [Driven Narcissism] Bodriyar ZH. Simvolicheskiy obmen i smert' [Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death]. M., Dobrosvet, KDU, 2006. pp. 210–212
3. Gegel'. Raboty raznykh let. V 2 t. T.1 [Hegel. Works of Different Years. In 2 vols. V. 1]. M., Mysl', 1970. 1300 p.
4. Grykalov A.A. Pis'mo i sobytie. Esteticheskaya topografiya sovremennosti [Letter and Event. Aesthetic Topography of Modernity]. SPb., Nauka, 2004. 488 p.
5. Dinni K. Brending territorii. Luchshie mirovye praktiki [Branding. Best Global Practices]. M., Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 366 p.
6. Zamyatin D.N. Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeistvie sovremennykh gumanitarnykh nauk [Humanitarian geography: space, imagination and interaction of modern Humanities] // Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]. 2010. T. 9. no. 3. pp. 26–27.
7. Lotman YU.M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov [Universe of the Mind. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds]. SPb., Iskusstvo–SPB, 2000. 704 p.
8. Luman N. Real'nost' massmedia [The Reality of Mass Media]. M., Praxis, 2005. 256 p.
9. Mamardashvili M.K. Lektsii o Pruste (psikhologicheskaya topologiya puti) [Lectures about Proust (Psychological Topology of the Way)]. M., Ad Marginem, 1995. 547 p.
10. Molchanov V.I. Prostranstvo i ego ten' [Space and its Shadow] // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvedenie. [RGGU Bulletin Series Philosophy. Sociology. Art History] 2015. no. 5 (148). pp. 11–20.
11. Mureiko L.V. Massovoe soznanie: o spetsifike sub'ekta mass-media [Mass consciousness: the specificity of the subject mass-media] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science] 2009. no. 111. pp. 83–93.

12. Mureiko L.V. O prirode massovogo soznaniya v kontekste issledovaniy «iskusstvennogo intellekta» [On the nature of mass consciousness in the context of research “artificial intelligence”] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science]. 2009. no. 110. pp. 90–100.
13. Novozhenina O.V. Internet kak novaya real'nost' i fenomen sovremennoi tsivilizatsii [The Internet as a new reality and a phenomenon of modern civilization] Vliyanie Interneta na soznanie i strukturu znaniya [The impact of the Internet on consciousness and knowledge structure]. M., IF RAN, 2004. pp. 195–215
14. Okeanskii V.P. Lokus Idiota: vvedenie v kul'turofoniyu ravniny [The Locus of the Idiot: an Introduction to Culturephonia of the Plain] Roman Dostoevskogo «Idiot»: razdum'ya, problemy [The Novel by Dostoevsky “The Idiot”: Reflections, Problems]. Ivanovo, 1999. pp. 179–200
15. Prokof'eva V.YU. Kategoriya prostranstvo v khudozhestvennom prelomlenii: lokusy i toposy [Category of space in art refraction: loci and topoi] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. [Vestnik of the Orenburg State University] 2005. no. 11. pp. 87–94.
16. Savchuk V. Konversiya iskusstva [The Conversion of Art]. SPb., Petropolis, 2001. 288 p.
17. Savchuk V.V. Topologicheskaya refleksiya [Topological Reflection]. M., «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 416 p.
18. Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2001. 304 p.
19. Durham Cole W. Jr. Foreword to Vieweg, Theodor, Topics and Law: a contribution to basic research in law. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, Lang, 1993.
20. Luhmann N. The Autopoiesis of Social Systems // Luhmann N. Essays on self-reference. New York: Columbia University Press, 1990. P 1–20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурейко Лариса Валериановна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии факультета экономики и менеджмента Петербургского государственного университета Императора Александра I;
e-mail: lamureiko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa Mureyko – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology at the Faculty of Economy and Management of Alexander I St. Petersburg State Transport University;
e-mail: lamureiko@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Мурейко Л.В. Топос: к теории масс-медиа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 74-84.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-74-84

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

L. Mureyko. Topos: the Theory of Mass Media // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 4. P. 74-84.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-74-84